

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

УДК 343.7 + 343.37
ББК Х408.12

И. А. Брагин

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЙДЕРСТВУ

I. A. Bragin

CRIMINAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTER RAIDING

В статье рассматриваются проблемы совершенствования анти-рейдерских уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за противоправный захват корпоративного управления в хозяйственных обществах. Анализируется их формально-материальная конструкция. Сопоставляются диспозиции норм с существующими способами рейдерских захватов. Раскрываются их противоречивость, фрагментарность правового регулирования и проблематичность применения на практике. Обосновывается необходимость разграничения захвата управления и захвата имущества и активов исходя из различия в объектах посягательства.

Предлагается новая конструкция уголовно-правовой нормы, определяющей признаки и границы противоправного поведения, признаваемого рейдерством.

Ключевые слова: рейдерство, уголовно-правовое регулирование, незаконное вмешательство, захват корпоративного управления.

The article deals with the problem of improving anti-raider criminal and legal norms, ensuring criminal responsibility for unlawful seizure of corporate governance in business entities. The article also analyzes their formal and tangible framework. Dispositions of norms are compared with existing methods of hostile takeovers. The author reveals their contradictions, fragmentariness of legal regulation and difficulty of use in practice. The necessity of distinction between governance seizure and taking of property and assets on the basis of differences in objects of encroachment is proved.

A new framework of the criminal and legal norm, which determines the characteristics and boundaries of illegal behavior recognized as raiding.

Keywords: raiding, criminal and legal regulation, unlawful interference, the corporate governance seizure.

В ходе рыночных реформ в российской экономике получила широкое развитие тенденция изъятия собственности из чужого законного владения. Это социально-негативное явление на этапе первоначального накопления капитала не получило должной уголовно-правовой оценки. В течение двух десятилетий сфера защиты собственников от рейдерских захватов характеризовалась откровенным правовым вакуумом. Противоправное изъятие имущества у собственников или иных титульных владельцев предполагалось рассматривать через призму более трех десятков

составов преступлений. Однако в связи с тем, что в законе не был зафиксирован исчерпывающий перечень деяний, признаваемых рейдерством, признаки и границы этого вида противоправного поведения, правоприменительная деятельность носили крайне противоречивый характер. В одних случаях рейдерские действия квалифицировались как мошенничество (ст. 159 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), самоуправство (ст. 330 УК РФ) и др. Но чаще всего такие деяния необоснованно относились к гражданско-правовым отношениям, спорам хозяйствующих субъ-

71

Уголовно-правовая
доктрина

ектов с последующей уголовно-правовой реабилитацией рейдеров.

Все это способствовало нарастанию критических значений криминализации в отношении собственности. Запоздавшая криминализация рейдерских деяний была отчасти осуществлена лишь в 2009—2010 гг. В частности, Федеральным законом от 01.07.2010 г. № 147-ФЗ¹ введена статья 170.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в Единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о руководителе постоянного действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, либо в иных целях, направленных на приобретение права на чужое имущество.

Исходя из содержания этой уголовно-правовой нормы, общественная опасность перечисленных деяний заключается во вторжении в управленческую деятельность и установлении контроля над компанией или обществом, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Состав преступления сконструирован как формальный. Однако в качестве криминообразующего критерия здесь указана цель названных действий — приобретение права на чужое имущество. И это обстоятельство создает серьезные препятствия в действенной защите от рейдерских захватов, поскольку на этапе противоправного установления управленческого контроля над хозяйствующим субъектом привлечь рейдеров к уголовной ответственности возможно лишь если будет доказано, что захват управления компанией осуществлялся с целью последующего хищения ее активов. Установление направленности умысла рейдеров на хищение активов на ранней стадии захвата управления невозможно, так как цель таких действий не очевидна. О наличии такой цели можно судить лишь после наступления негативных последствий в виде хищения имущества компании. Вместе тем эти имущественные последствия выведены за рамки состава преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, и требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки нормами, охраняющими собственность, а не отно-

шения в сфере экономической деятельности. Следовательно, увязка управленческих захватов, предусмотренных ст. 170.1 УК РФ, с нарушением имущественных прав во многом нивелирует эту норму и переводит ее применение на более поздние стадии рейдерских захватов, связанных с противоправным выводом имущества из-под контроля компании, неоднократных перепродаж, «отмывания» его и передачи в собственность добросовестного приобретателя. Тем самым искажаются смысл и содержание этого закона, заключающегося в противодействии неправомерному вмешательству в управление компанией.

Федеральным законом РФ от 30.10.2009 г. № 241-ФЗ² введена в действие статья 185.2 УК РФ, которая также относится к числу антирейдерских норм. Она предусматривает ответственность за нарушение установленного порядка учета прав на ценные бумаги лицом, в должностные обязанности которого входит совершение операций, связанных с учетом прав на ценные бумаги, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Частью третьей этой статьи установлена ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений, а равно умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Нарушение установленного порядка учета прав на ценные бумаги создает условия для противоправного изменения сложившейся системы управления обществом или компанией. Например, внесение в реестр определенного количества ненадлежащих акционеров дает возможность изменить соотношение голосов при принятии важнейших решений по управлению компанией, и тем самым установить управленческий контроль со стороны нелегитимных собственников.

Состав преступления имеет формально-материальную конструкцию. Для квалификации деяний по ч. 1 и 2 ст. 185.2 УК РФ необходимо, чтобы был причинен ущерб в крупном или особо крупном размере. В соответствии с примечанием к ст. 185 УК РФ, крупным признается ущерб, превышающий один миллион рублей, особо крупным — свыше двух миллионов пятисот тысяч рублей. Одновременно предусмотрены ч. 3 ст. 185.2 УК РФ деяния в виде внесения в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений,

умышленное уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменение в реестр, не требуют наступления общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба, то есть этот состав имеет формальную конструкцию. При этом все деяния, перечисленные в ст. 185.2 УК РФ, заключаются в нарушении установленного порядка учета прав на ценные бумаги, что дает возможность для неправомерного вмешательства и захвата управления компанией или обществом. Однако в части первой и второй законодатель предусмотрел обязательное причинение ущерба, а в части третьей вывел эти последствия за рамки данного состава преступления. Тем самым в конструкции этой уголовно-правовой нормы внесены существенные противоречия, создающие препятствия для ее применения в качестве эффективной противозахватной меры.

Статья 185.4 УК РФ, введенная в действие тем же Федеральным законом № 241-ФЗ от 30.10.2009 г., устанавливает уголовную ответственность за незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг, незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании, проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума, а равно иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев, паевых инвестиционных фондов, если эти деяния причинили гражданам, организациям или государству крупный ущерб либо сопряжены с извлечением дохода в крупном размере.

В соответствии с конструкцией этой нормы, обязательным признаком состава преступления являются такие общественно опасные последствия, как причинение гражданам, организациям либо государству крупного ущерба либо извлечение дохода в крупном размере. Таким образом, применение ст. 185.2 и 185.4 УК РФ в отношении рейдеров возможно лишь на последней стадии рейдерского захвата, когда похищаются имущество и активы компании или извлекается доход. Это, в свою очередь, существенно осложняет или делает невозможным восстановление нарушенных прав легитимных собственников.

Анализируя эти уголовно-правовые нормы, Г. К. Смирнов справедливо ука-

зывает на ряд внутренних противоречий, фрагментарность в уголовно-правовой защите управленческих основ экономической деятельности хозяйственных обществ и прав собственников. В частности, за рамками диспозиции этих статей остаются действия, посягающие на права владельцев долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, которые к категории владельцев ценных бумаг не относятся. В результате права самой значительной по численности категории предпринимателей остаются вне сферы уголовно-правовой защиты.

Кроме того, он обоснованно замечает, что законодатель оставил за рамками диспозиции указанных норм хищение или иное противоправное завладение ценными бумагами на основании заведомо подложных правоустанавливающих документов. Поэтому при такой конструкции нормы применение ст. 185.2 УК РФ будет ограничиваться лишь внесением в реестр изменений в отсутствие правоустанавливающих документов, которые на практике носят единичный характер.

Ряд действий, предусмотренных диспозицией ст. 185.4 УК РФ, таких, как отказ в созыве общего собрания или уклонение от его созыва, незаконный отказ в регистрации владельцев ценных бумаг, проведение общего собрания при отсутствии кворума, сами по себе не могут причинить имущественный ущерб или извлечение дохода. Следовательно применение этой нормы будет носить также ограниченный характер³.

И наконец, статьей 185.5 УК РФ установлена уголовная ответственность за фальсификацию решений общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. Объективная сторона этого состава преступления выражается в искажении результатов голосования, воспрепятствовании свободной реализации прав акционеров и участников общества с ограниченной ответственностью при принятии решений на общем собрании. В результате фальсификации и подтасовки результатов волеизъявления происходит принятие управленческого решения вопреки совокупной воле участников хозяйственного общества. Конструкция указанной нормы предусматривает ответственность за перечисленные деяния вне зависимости от наступивших последствий в виде хищения имущества и других активов хозяйственного общества. Криминообразующим критерием состава преступления является цель

указанных действий — незаконный захват управления или принятие важных управленческих решений, относящихся к компетенции общего собрания акционеров (участников) или совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. Следовательно, указанная уголовно-правовая норма, в отличие от других антирейдерских норм, позволяет преследовать рейдеров на начальной стадии противоправного вторжения в корпоративное управление, но в ограниченной сфере рейдерских действий.

Таким образом, совокупный анализ антирейдерских уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод о их противоречивости, фрагментарности общественно опасных деяний, признаваемых рейдерством, необоснованном сужении границ криминальных действий, связанных с противоправным вмешательством в корпоративное управление.

Так, несмотря на то, что основным объектом преступного посягательства является установленная законодательством Российской Федерации система корпоративного управления экономической деятельностью хозяйственных обществ, диспозиции этих норм имеют существенные противоречия по их формально-материальной конструкции. Необоснованно заимствуются дефиниции уголовно-правовых норм, охраняющих отношения в сфере собственности.

Указанные нормы не охватывают также всей совокупности деяний, содержащих характерные признаки рейдерства. Вне сферы уголовно-правового регулирования остались такие распространенные виды рейдерства, как использование административного ресурса и незаконного вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов, выражающиеся в оказании давления на предпринимателя или организацию, навязывании определенных решений или принуждении к определенным действиям, совершенным с использованием своего служебного положения. Не нашли соответствующей оценки такие действия по установлению противоправного управленческого контроля посредством использования сфальсифицированных и заведомо подложных правоустанавливающих документов, решений и постановлений, хотя это одни из распространенных способов рейдерских захватов.

На наш взгляд, ошибочной является позиция законодателя, разделившего действия по противоправному вмешательству в корпоративное управление на четыре самостоятельных состава, что, в конечном итоге, породило противоре-

чия в диспозициях этих норм, создающие труднопреодолимые препятствия в их применении. Кроме того, стремление включить в нормы весь перечень возможных рейдерских деяний не исключило пробельности в уголовно-правовом регулировании, с одной стороны, и с другой — эти нормы, содержащие исчерпывающий перечень деяний, не подлежащих расширительному толкованию, приобретают свойства застывшей догмы. Это противоречит самой природе рейдерства, феномен которого заключается в исключительной живучести, способности приспосабливаться к существующим реалиям, находиться в постоянном движении и изменении. Все это в значительной степени снижает эффективность применения антирейдерских новаций. Поэтому отдельные авторы не без оснований относят их к числу норм, которые практически не применяются⁴.

Исходя из того, что для всех видов рейдерских деяний общим объектом является установленная законодательством Российской Федерации система корпоративного управления экономической деятельностью хозяйственных обществ, было бы целесообразным сформулировать единую антирейдерскую уголовно-правовую норму. Отдельными авторами такие предложения вносились и обсуждались в научных изданиях. В частности, В. Константинов предлагал в Уголовный кодекс РФ ввести статью 227.1 Экономическое пиратство (рейдерство), предусматривающую ответственность за нападение на объект материальной собственности с применением насилия или угрозой его применения в целях завладения чужим имуществом до или после получения на него права собственности или управления за счет подделки правоустанавливающих документов или существенного нарушения легитимности их получения или решения суда, введенного в заблуждение путем обмана, влекущее причинение потерпевшей стороне ущерба в крупном размере⁵.

С таким подходом сложно согласиться по следующим причинам. Во-первых, включение антирейдерской нормы в раздел о преступлениях против общественной безопасности противоречит самой сути и содержательной характеристике рейдерства. Во-вторых, объектом посягательства при рейдерстве являются общественные отношения в сфере экономической деятельности, в то время как для преступлений, включенных в главу 24 Уголовного кодекса РФ, является общественной безопасностью. В-третьих, пред-

лагаемая редакция нормы охватывает лишь действия, сопряженные с силовым захватом объектов материальной собственности, тем самым необоснованно сужая границы деяний, признаваемых рейдерством. В-четвертых, конструкция статьи носит материальный характер, что существенно ограничивает сферу ее применения.

Следственным комитетом при МВД России предлагалось также включить в законодательную инициативу группы депутатов Государственной Думы статью 201.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за незаконное присвоение полномочий органа управления юридического лица путем внесения в Единый государственный реестр юридических лиц, учредительные документы, реестр владельцев именных ценных бумаг или решения учредителей (участников, акционеров) заведомо ложных сведений, повлекших прекращение или приостановление полномочий единого или коллегиального исполнительного органа, а равно действия, направленные на фактический переход этих полномочий к неуправомоченному лицу, либо незаконную реорганизацию юридического лица, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда. В ст. 201.2 УК РФ предлагалось ввести ответственность за умышленное использование прав участника (акционера) юридического лица самим участником или другим лицом вопреки интересам данного юридического лица, если это деяние повлекло прекращение или приостановление деятельности органов управления юридического лица и причинение юридическому лицу имущественного ущерба⁶.

Предлагаемые нормы не могут претендовать на унификацию антирейдерских норм, так как содержат уголовно-правовые запреты лишь в отношении некоторых частных форм рейдерских деяний. Они не охватывают в полной мере всю совокупность возможных деяний при внешнем вторжении в управленческую деятельность компаний и организаций. В предлагаемых нормах гарантируется уголовно-правовая защита от рейдерских захватов лишь юридическим лицам, оставляя за рамками закона предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, например, фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей. Перечисленные недочеты и противоречия в конструкции этих норм, видимо, явились основанием для отклонения этой законодательной инициативы.

Я. В. Фроловичев предлагает дополнить Уголовный кодекс РФ статьей 159.7 в следующей редакции: «Рейдерство, то есть незаконное установление контроля в отношении юридического лица путем присвоения полномочий или изменения состава его органов управления, а равно иным способом, сопряженное с хищением права на имущество этого юридического лица»⁷.

На наш взгляд, при таком подходе к конструкции нормы действия по незаконному захвату управления в хозяйственных обществах необоснованно переносятся из главы 22 УК РФ, объединяющей уголовно-правовые деяния в сфере экономической деятельности, в главу 21 УК РФ, предусматривающую ответственность лишь за преступления против собственности. Кроме того, предусматривая ответственность за незаконное установление контроля и последующее хищение имущества только юридического лица, автор также оставляет за рамками этой нормы уголовно-правовую защиту субъектов, осуществляющих экономическую деятельность без образования юридического лица, например, индивидуальных предпринимателей.

Материальная дефиниция предлагаемой нормы предполагает ее применение лишь при наступлении негативных последствий хищения имущества или приобретения права на это имущество. Тем самым исключается применение этой нормы на стадии незаконного захвата управления.

Вместе с тем проблема модернизации уголовно-правового законодательства в этой сфере остается весьма актуальной. Поэтому в целях гармонизации и унификации антирейдерских уголовно-правовых норм необходимо выделить совокупность характерных признаков, имеющих деликтное значение для материализации этого состава преступления.

Прежде всего следует отметить, что всю совокупность деяний, образующих состав рейдерства, объединяет общий объект преступления — общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности, свободы предпринимательства, и установленная законодательством Российской Федерации система корпоративного управления хозяйственными обществами. Объективная сторона многочисленных способов рейдерских захватов всегда проявляется в незаконном вторжении и вмешательстве в деятельность хозяйственных обществ и индивидуальных предпринимателей, нарушении их легитимных прав на управле-

ние экономической деятельностью. Незаконное вмешательство может выражаться в оказании давления на предпринимателей и хозяйственные общества, в том числе с использованием административного ресурса и властных полномочий, принуждением к определенным действиям вопреки их волеизъявлению. При захвате корпоративного управления применяются такие типичные противоправные деяния, как использование сфальсифицированных документов, фиктивных и заведомо подложных решений, позволяющих незаконно присвоить право на участие в корпоративном управлении или лишить такого права лиц, имеющих его по закону.

Думается, что такой подход в формулировании объективной стороны деяния позволит в полной мере охватить конструкцией нормы всю совокупность действий по незаконному захвату управления в виде фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг и системы депозитарного учета, нарушение порядка учета прав на ценные бумаги, а также воспрепятствование свободной реализации и ограничение прав владельцев ценных бумаг и долей в уставном капитале участников хозяйственных обществ.

Предлагаемая норма имеет формальную конструкцию. Общественная опасность рассматриваемых деяний заключается в противоправном вмешательстве в деятельность хозяйственных обществ и индивидуальных предпринимателей, незаконном установлении управленческого контроля. Объединяющей и доминирующей целью этих деяний является неправомерное получение права управления предпринимательской деятельностью хозяйственных обществ и частных предпринимателей.

Имущественные последствия при такой конструкции выводятся за рамки этого состава преступления для самостоятельной уголовно-правовой оценки нормами, охраняющими отношения собственности.

Кроме того, эта норма, в отличие от действующих норм, также должна охватывать широко распространенные способы рейдерских захватов с использованием служебных полномочий.

С учетом того, что перечисленные в норме деяния посягают на фундаментальные ценности экономических отношений — свободу предпринимательства, будет уместным в санкции указанной нормы предусмотреть в соответствии с ч. 2 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания как эффективной карательной и превентивной меры.

Исходя из того, что вся совокупность рейдерских действий в обобщенном виде не что иное, как незаконное вмешательство в деятельность хозяйственных обществ и индивидуальных предпринимателей, будет логичным сформулировать следующую конструкцию антирейдерской уголовно-правовой нормы УК РФ — **Статья 169.1 Незаконное вмешательство в деятельность хозяйственных обществ и индивидуальных предпринимателей (рейдерство)**

1. Незаконное вмешательство в деятельность хозяйственных обществ и индивидуальных предпринимателей, а равно нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка управления предпринимательской деятельностью с использованием сфальсифицированных правоустанавливающих документов, фиктивных и заведомо подложных решений посредством введения в единые государственные реестры недостоверных сведений, иных нарушений порядка учета прав на ценные бумаги и доли в уставном капитале обществ, незаконного ограничения и воспрепятствования осуществлению таких прав, фальсификации решений органов управления хозяйственных обществ, совершенные в целях незаконного присвоения права управления предпринимательской деятельностью или лишения такого права лиц, имеющих его по закону,

— наказывается штрафом до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо лишением свободы до трех лет с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно с применением насилия или с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества,

— наказывается штрафом от трехсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо лишением свободы до пяти лет с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой и второй настоящей статьи, со-

вершенные лицом с использованием своего служебного положения,

— наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

Предлагаемая конструкция единой антирейдерской уголовно-правовой нормы позволит обеспечить гибкое противодей-

ствие весьма многочисленным, многообразным и меняющимся способам рейдерства. Кроме того, диспозиция этой статьи позволяет адекватно воздействовать и пресекать рейдерство на стадии противоправного вторжения в управление предпринимательской деятельностью до наступления негативных последствий в виде хищения имущества. Эти последствия объективно и обоснованно выводятся за рамки указанного состава преступления, так как должны регулироваться уголовно-правовыми нормами, охраняющими отношения собственности.

Примечания

1. СЗ РФ. — 2010. — № 27. — Ст. 3431.
2. СЗ РФ. — № 44. — Ст. 5170.
3. *Смирнов Г. К.* Применение и совершенствование уголовного законодательства России в сфере противодействия рейдерству // Уголовный процесс. — 2009. — № 12. — С. 33.
4. *Гладких В. И.* О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности // Российская юстиция. — 2012. — № 3. — С. 45.
5. *Константинов В.* Рейдерство — не мошенничество! // Законность. — 2008. — № 11. — С. 38—43.
6. *Федоров А. Ю.* Рейдерство и корпоративный шантаж. М.: Волтерс Клувер, 2010. — С. 252.
7. *Фроловичев Я. В.* Уголовно-правовое противодействие рейдерским захватам имущества юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 9—10.

References

1. Gladkikh V. I. O nekotorykh problemakh ugolovnoy politiki v sfere protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti [On some problems of criminal policy in the sphere of counteractions to economical criminality]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2012, No. 3, p. 43—47.
2. Konstantinov V. Reiderstvo — ne moshennichestvo! [Raiding is not swindling] *Zakonnost'*, 2008, No. 11, p. 38—43.
3. Smirnov G. K. Primenenie i sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii v sfere protivodeistviya reiderstvu [Application and improvement of criminal legislation of the Russian Federation in the sphere of counter raiding]. *Ugolovnyy protsess*, 2009, No. 12, p. 29—35.
4. Federal law as of 01.07.2010 No. 147-FZ 'On the amendments in the Criminal Code of the Russian Federation and in Article 151 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation' [passed by the State Duma on June 16, 2010]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2010, No. 27, Art. 3431. (In Russ.)
5. Federal law as of 30.10.2009 No. 241-FZ 'On the amendments in the Criminal Code of the Russian Federation and in Article 151 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation'. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, No. 44, Art. 5170. (In Russ.)
6. Fedorov A. Yu. Reiderstvo i korporativnyi shantazh [organizatsionno-pravovye меры protivodeistviya] [Raiding and corporate blackmail. Organizational and legal measures of counteraction]. Moscow. Volters Kluver Publ., 2010. 463 p.
7. Frolovichev Ya. V. Ugolovno-pravovoe protivodeistvie reiderskim zakhvatam imushchestva yuridicheskikh lits [Criminal and legal counteraction to the raiding seizure of corporate property]. Moscow, 2013. 31 p.

БРАГИН Иван Анатольевич, преподаватель, Уральская государственная юридическая академия. 454071, г. Челябинск, ул. Культуры, 102. E-mail: chelyab@usla.ru

BRAGIN Ivan Anatolievich, lector and teacher of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education 'Ural State Legal Academy' 102 Kultury Str., 454071, Chelyabinsk. E-mail: chelyab@usla.ru

